

Виктор САВЕЛЬЕВ

НЮЧИ БРОДЯЩИЕ

*Рассказы и публицистика
Зарубки памяти*

Виктор Савельев

**Ночи бродячие. Рассказы и
публицистика. Зарубки памяти**

«Издательские решения»

Савельев В.

Ночи бродячие. Рассказы и публицистика. Зарубки памяти /
В. Савельев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960499-6

Книга «Ночи бродячие», собравшая публицистику и ранние новеллы автора-журналиста, это не только психологическая проза и рассказы о молодых — она о том, как не согнуться в ситуациях, требующих нравственного выбора. А ситуации у героев Виктора Савельева «негладкие»: кража чемодана на вокзале, предательство идеалов молодости, жесткие нравы казармы, гауптвахта, больница... Эта книга о том, как не потерять своё «я».

ISBN 978-5-44-960499-6

© Савельев В.
© Издательские решения

Содержание

ЗАРУБКИ ПАМЯТИ	6
КАК Я «ПРОЗЕВАЛ» КРУПНЕЙШУЮ В МИРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНУЮ КАТАСТРОФУ	6
ТОТ МАЛЬЧИК В МАТРОССКОМ КОСТЮМЧИКЕ...	10
ЦВЕТ «НЕЗАБВЕННЫЙ ЗАКАТ»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ночи бродячие

Рассказы и публицистика. Зарубки памяти

Виктор Савельев

© Виктор Савельев, 2018

ISBN 978-5-4496-0499-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗАРУБКИ ПАМЯТИ

Публицистика. Воспоминания и эссе.

КАК Я «ПРОЗЕВАЛ» КРУПНЕЙШУЮ В МИРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНУЮ КАТАСТРОФУ

(Из записок журналиста)

В тот год мне особенно везло. Пришло репортёрское везение, когда на ловца и зверь бежит – словно судьба всё время ведёт тебя за руку. И ты достигаешь пика журналистских удач, который я бы сравнил со спортивной формой.

Это подобно тому, что один чемпион по штанге назвал «покорением железа». Даже замечательный силач без «разгона» не возьмёт рекордный вес. Этому предшествуют нарастающие по нагрузке тренировки, чтобы достичь максимальной силы в день чемпионата. Тут важны постепенность и расчёт: начнешь марафон силы раньше – перегоришь, а опоздаешь с нагрузкой – не достигнешь своего апогея к соревнованию...

Вот именно в такой «пиковой» форме я был в воскресный день 4 июня 1989 года: и знамения репортерских удач бежали впереди меня! С удивительной лёгкостью меня находили «гвоздевые» темы! Видимо, количество моих предыдущих удачных репортажей отливало в новое качество. Было чувство, что вот-вот я поймаю за хвост жар-птицу, которая сделает меня великим журналистом.

То воскресное июньское утро в Уфе, где тогда я работал в газете, было на редкость тихим, солнечным и спокойным – такого сонного утра я не видел тысячу лет. Даже утренняя река, казалось, спала. Горожане ещё с пятницы уехали на отдых в сады, на автобусной остановке было безлюдно – впрочем, и автобусов до железнодорожного вокзала Уфы почему-то не было. А ехать я собрался на электричке на загородную турбазу «Ивушка», чтобы помочь моей матери. Каждое лето, чтобы внуки пожили с ней на природе, мама-пенсионерка устраивалась на базу «заведовать» большим спальным корпусом, т. е. была там и техничкой, и комендантом. Из-за больной печени ей было трудно носить тяжести – как раз в то воскресенье она просила меня перед заселением туристов разнести по комнатам кипы белья и матрасы... И ничего, казалось бы, не предвещало срыва моей поездки 4 июня 1989 года на мамин 20-комнатный корпус близ утопавшей в зелени деревьев реки Дёмы...

Но именно в то утро меня и настигла весть о ночной железнодорожной катастрофе на 1710-м километре Транссибирской магистрали – как оказалось потом, крупнейшей не только в XX веке, но и за всю историю железных дорог мира... Не понимая, почему на вокзал нет автобусов (а их сняли с рейсов для доставки на станцию курсантов школы МВД!), я поймал такси и доехал до железнодорожного вокзала Уфы. Привокзальная площадь поразила меня обилием людей в военной форме! Они высаживались из подъезжавших крытых грузовиков и уходили куда-то на посадку. Всё напоминало полномасштабную военную операцию...

«Близ Улу-Теляка в 90 километрах от Уфы произошла большая авария с двумя пассажирскими поездами. Много жертв... В ту сторону движение поездов остановлено. Но сейчас туда уйдёт воинский эшелон для спасательных работ», – вот что выяснил я, тыча удостоверением журналиста, у какого-то офицера. Вы только представьте моё состояние! Я первым из репортёров уже в девятом часу утра знал новость, о которой лишь поздним вечером сообщат все информационные агентства мира.

Причём я был на станции, откуда уходил эшелон спасателей, задолго до извещения о ЧП – и пока местные власти, по законам тех лет, дожидались указаний Москвы и разрешений цензуры, мне выпала огромная фора в несколько часов, за которые такой лихой парень, как я, – ещё до официальной «отмашки» сверху! – уже побывал бы на месте катастрофы близ маленькой станции Улу-Теляк у границы Башкирии с Челябинской областью и самым первым выдал бы репортаж!

Спустя годы я понимаю: в советское время шансов у провинциального журналиста «ухватить за хвост» всемирного масштаба новость было не больше, чем у эскимоса съездить в Африку по выигранной в лотерею путёвке и на экваторе встретить белого медведя, сбежавшего из гастролирующего зверинца.

Но этот один шанс из миллиона в то июньское утро просто упал мне в руки!

Нынешним газетчикам трудно даже представить информационную изоляцию тех лет. Интернета и мобильных телефонов ещё не было; на выходные в Доме печати двери редакций запирали и сдавали этажи под охрану вахтёрам, а журналисты газет до понедельника разъезжались по домам или садам.

Но тем утром, 4 июня 1989 года, в силу случайности я был единственным журналистом в мире, который мог бы уже через час-два попасть в Улу-Теляк! Не о таком ли везении «дядя Гиляй» – известный дореволюционный репортёр Владимир Гиляровский написал: «Мне посчастливилось быть в центре урагана» – уж простите цинизм нашей профессии!

Естественно, после информации, добытой у офицера, я – как говорят: задрал хвост! – побежал к стоявшему «под парами» эшелону на Улу-Теляк. За годы репортёрской работы я, что называется, «собаку съел» на проникновении туда, куда других не пускали, и мог легко схватить на погрузке какой-нибудь ящик и под видом грузчика влезть в один из вагонов в толчее спасателей, путейцев и медиков! Или упробил бы военных...

И вдруг на полпути к вагонам меня обожгла мысль: «А как мать?! А что будет с ней?!». Эта мысль осадила меня... Я знал, что мама-пенсионерка, не дождавшись моей помощи, потащит на себе по комнатам тяжёлые мешки белья, матрасы, будет надрываться с ведрами воды – и к вечеру в полуобморочном состоянии подготовит корпус к заезду гостей. Но потом работа в одиночку её пригнёт приступом печени, болями в сердце...

Наверное, в первый раз на той вокзальной площади мне пришлось делать выбор между человеческим чувством и долгом профессии... Азарт гончей собаки гнал меня к поезду на Улу-Теляк, к «первополосной теме»! (Прости, Господи: ни один человек на вокзале в то утро и представить не мог весь ужас катастрофы!) Я был рыцарем репортажа – а в 90 километрах по одну сторону от станции Уфа, в направлении Челябинска, меня ждал репортаж о крушении поездов!

Но в 20 км по другую сторону от вокзала – а в этом направлении продолжали ходить загородные электрички, увозя дачников, – меня ждала мать. И она нуждалась в помощи! Я разрывался на части между двумя решениями. Жар-птица репортёрской удачи манила и уходила из рук, шепча, что такой шанс не упускают. Но мог ли я бросить мать – отдавшую мне жизнь и гробившую здоровье на турбазе ради моей семьи и детей?

Говорят, азарт плохой советчик! И разум мутит призрак близкой удачи...

Но в этой мучительной ситуации я всё же выбрал маму. Стуча колёсами, воинский эшелон ушёл на Улу-Теляк без меня. А я уехал на электричке в обратную сторону, в спальный корпус турбазы, где с остервенением таскал тюки белья, одеяла и матрасы, не давая матери делать тяжёлую работу...

К ночи безвестный доселе Улу-Теляк ворвался на информационные ленты ТАСС и мировых СМИ... Решив, что катастрофу не скрыть, Москва в середине воскресного дня «дала отмашку» на освещение темы. Дом печати был пуст! Чиновники гоняли машины и курьеров по дачам и садам, вылавливая отдохавших журналистов, – ведь в Уфу вылетал генсек

ЦК КПСС Михаил Горбачёв, желая облететь место аварии на вертолёт, нужны были тексты и снимки с места крушения, журналистский пул, репортёры и верстальщики новостей! Всех журналистов города срочно вызвали в настежь распахнутые редакции делать спецвыпуски газет про Улу-Телякскую трагедию. Только вечером, вернувшись с турбазы, я узнал, от какой темы мне пришлось отказаться.

Если кто не помнит или не знает этого: два встречных поезда одновременно вошли в низину близ перегона Аша – Улу-Теляк (1710 км Транссибирской ж/д магистрали), где из-за протечки в трубопроводе скопилась огромная масса вытекшего газа. При встрече двух пассажирских поездов №211 «Новосибирск – Адлер» и №212 «Адлер – Новосибирск» на загазованном перегоне взрывоопасная смесь воздуха и газа воспламенилась от искры... Взрывом с путей было сброшено 11 вагонов, семь полностью сгорели, еще 27 вагонов опалило. Погибло от 575 до 645 человек (данные разнятся); 623 стали инвалидами от ожогов и травм... Обгоревших пассажиров увозили с места катастрофы вертолётами и машинами в больницы Уфы, Челябинска, Аши. Даже годовские «мальчики кровавые» бледнеют перед Улу-Телякским кошмаром.

Я помню, как последовавшей за воскресеньем ночью мы всей аврально вызванной на работу редакцией делали экстренный выпуск газеты об этой беде, – и как стучали зубы у нашего фотокамера Рустема, приехавшего из Улу-Теляка с плёнками шокирующих кадров. «Дайте водки, ребята!» – попросил Рустем. Ему налили – было слышно, как его зубы кладают о стакан. Пока в редакции проявляли его фотоплёнки с места трагедии, он всё говорил про обгорелую детскую ручонку, лежавшую под откосом, был в шоке, как человек, окунувшийся в ад! А ведь первые журналисты были привезены на место катастрофы примерно через 14 часов после того, как похоронные команды почистили место адского пожара. Но им хватило и этого. А что же было с теми, кто побывал там утром, в эшелоне, в который я не сел? Говорят, солдатам-спасателям на пожарище, как на фронте, выдали спирт: их тошнило, трясло при разгребании завалов из обугленных тел и железа...

Потом писали, что старший врач «скорой помощи» – командовавший вывозом обожжённых пассажиров из Улу-Теляка в больницы Уфы – за одну смену стал седым. Никто не знает, сколько участников спасательной операции подкосило это проклятое место и запах сожжённых тел, о котором говорили все без исключения побывавшие там. По сути, любовь к матери уберегла меня от жутких сцен пожарища, шока и нервных срывов – будто незримая рука матери развела ту беду и меня...

Вот так в тот памятный день 4 июня 1989 года я «проворонил» самую большую транспортную катастрофу XX века и не стал её летописцем.

Но я ни разу не пожалел о своём выборе – поездке на турбазу к маме на вместо «репортажа века» из Улу-Теляка. Я не жалею, что упустил редкий и единственный в своей жизни шанс – стать первым репортёром на ЧП всемирного масштаба и даже попасть после этого в большую прессу. Шанс, надо сказать, горький на фоне жертв Улу-Теляка, какого не пожелаешь никому...

Но главным было: в тот день я не предал мать. Не предал ради её любви ко мне и моей любви к ней, её стареньким щекам, натруженной и ласковой её руке, такой знакомой и тёплой, гладившей меня в детстве.

В тот день я сделал, может, главный для себя выбор: любовь к ближним важнее всех репортажей на свете!

Виктор Савельев.

ТОТ МАЛЬЧИК В МАТРОССКОМ КОСТЮМЧИКЕ... Странная дата

Вчера был грустный день, который в 1904 году, ровно 90 лет назад, в России был воспринят как праздник: 30 июля (по новому стилю это 12-е августа) в царской семье родился наследник – цесаревич Алексей. Будучи далёкими от всякого монархизма, мы тем не менее не можем пройти равнодушно мимо воспоминаний, которые публикуются к этой дате. Маленький мальчик в матросском костюмчике – каким он предстаёт перед нами на фотографиях разных лет – что-то тревожит в нас и будит, как погасший лучик, во времена смуты и тяжёлой войны на миг озаривший Россию надеждой. Он был явно неординарным ребёнком, и его наставник П. Жильяр вспоминал:

«Алексею Ник. было тогда 9,5 лет. Он был довольно крупен для своего возраста, имел тонкий, продолговатый овал лица с нежными чертами, чудные светло-каштановые волосы с бронзовыми переливами, большие серые глаза, напоминавшие глаза его матери. У него была большая живость ума и суждения и много вдумчивости. Он поражал иногда вопросами выше своего возраста, которые свидетельствовали о деликатной и чуткой душе. В маленьком капризном существе, каким он казался вначале, я открыл ребёнка с сердцем от природы любящим и чувствительным к страданиям, потому что сам он уже много страдал...»

Мальчика в матроске в возрасте 13-ти лет расстреляли со всей семьёй в Екатеринбурге. И странно, странно было нам узнать, каким он был, только сейчас...

Я видел это место, где не стало этого мальчика и всех других, и доктора Боткина, который в тот день отказался покинуть царскую семью и был расстрелян «за компанию»... В то время об этом не принято было говорить, и непонятно почему немолодой грузный преподаватель, устало потирая стёкла очков, вдруг «не по теме» стал рассказывать в аудитории о последнем дне Романовых нам, молодым журналистам, приехавшим на сессию в Свердловск. Тогда стояло душное уральское лето – быть может, такое же, как то лето 1918-го года, когда в Екатеринбурге под корень решили вырубить романовский род...

Странная дата

Тот мальчик в матросском костюмчике...

Вчера был грустный день, который в 1904 году, ровно 90 лет назад, в России был воспринят как праздник: 30 июля (по новому стилю это 12-е августа) в царской семье родился наследник — цесаревич Алексей. Будучи далёкими от всякого монархизма, мы тем не менее не можем пройти равнодушно мимо воспоминаний, которые публикуются к этой дате. Маленький мальчик в матросском костюмчике — каким он предстает перед нами на фотографиях разных лет — что-то тревожит в нас и будит, как погасший лучик, во времена смуты и тяжелой войны на миг озаривший Россию надеждой. Он был явно неординарным ребенком, и его наставник П. Жильяр вспоминал:

«Алексею Ник. было тогда 9,5 лет. Он был довольно крупен для своего возраста, имел тонкий, продолговатый овал лица с нежными чертами, чудные светло-каштановые волосы с бронзовыми переливами, большие серые глаза, напоминавшие глаза его матери. У него была

кого на противоположном конце залячка, на самой дальней двери, висел грузный и, видно, давно не открываемый замок... — Там, где замок, эта комната — зашоптал Борька и захлопнул дверь в танкокласс. — Давай подберемся со стороны и заглянем в окошко...»

Со стороны пруда мы подошли во дворе к сто лет на мытовому крайнему окну вровень с землей и цвотом в землю. Кто-то, видно, упорно не хотел, чтобы люди знали о страшном смысле этого места, и устроил в комнате свалку. Сквозь поросшие паутинкой стёкла мы только и смогли разглядеть какие-то верстаки и сваленные в кучу электромоторы. Все походило на брошенный склад с вещами, преданными забвению... Устав терпеть у грязного стекла, мы издохнули и вышли на спускающийся к пруду почти девятую улицу... На противоположной стороне ее стоял мужчина с кинокамерой — что-то сразу выдавало в нем приезжего — и очень тщательно снимал угол

Та самая публикация...

— Где это случилось? — не выдержав, прервал рассказчика кто-то из нас.

Преподаватель криво усмехнулся и долго глядел в широкое солнечное окно.

– Да в двух минутах ходьбы отсюда: у Исетского пруда, – наконец вымолвил он. – Вы там, небось, гуляли. Помните на берегу скульптурную группу с флагом? Она как раз смотрит на дом с подвалом, где расстреляли царя. У нас его зовут ипатьевским, по имени тогдашнего владельца. Если вы войдёте в этот дом, то посередине увидите лестницу, которая ведёт с первого этажа вниз – в полуподвал. Про эту лестницу один местный большевик написал книгу «Двадцать три ступени вниз» – потому что для расстрела всю царскую семью повели по этим ступеням. Им ничего не сказали о цели этого спуска – просто объявили, что внизу будет зачитано сообщение. Если вы спуститесь по этим ступеням, то пройдите по коридору налево – в самую дальнюю комнату. Там их и усадили на скамью у стены: царя, царицу со всеми детьми, а солдаты встали напротив... Весь текст указа был составлен так, чтобы слово приговора «расстрелять» было последним... В молчании Николай Второй и все слушали вступительный текст: «За кровь, безвинно пролитую на Ходынском поле, за тысячи замученных политкаторжан...», – никто ещё не понимал, к чему клонит документ. При слове «расстрелять» солдаты по договорённости дали залп по сидящим на скамье... Николай Романов оказался самым крепким – он ещё пытался встать навстречу пулям...

...В молчании мы вышли из университета. Сиял и пел июньский день, звенели трамваи.

– Не может быть, – сказал Борька Минеев, мой однокурсник и друг из Нижнего Тагила. – Я точно знаю, что царскую семью расстреляли не здесь, а на шахтах в Алапаевске. Мой хороший товарищ собственными глазами видел в архиве освидетельствование и описание в шахте тел братьев царя, семьи...

Мы ещё не знали, что расстрелов было действительно два – в Алапаевске на тех шахтах на второй день были расстреляны остальные члены семьи Романовых, великие князья...

Дом Ипатьева в июле 1930

Даже не пообедав, мы побежали на берег пруда и нашли скульптурную группу, которая была повернута лицами к старому особняку, напоминавшему длинный барак среди окружавших его прибрежных домиков. На нём была вывеска какого-то культпросветучреждения, иногда заходил народ. Озираясь и придумывая, что бы сказать, если останвят, мы вошли с центрального крыльца в «ипатьевский» дом. На счастье, нас никто не заметил, мы не мешкая спустились по лестнице, по которой когда-то уводили Романовых... В коридорчике внизу тоже никто не попался – мы прошли в самый конец и приоткрыли дверь, за которой играл баян и шаркали детские ноги. На нас недоумевающее посмотрели преподаватель танцев и баянист: дети Страны Советов, как и полагается, разучивали в маленьком зальчике весёлую польку – их белые банты и разгорячённые лица ясней слов говорили, что ни о каких расстрелах и Романовых они не ведают. И только на противоположном конце зальчика, на самой дальней двери, висел грузный и, видно, давно не открываемый замок...

– Там, где замок, эта комната! – зашептал Борька и захлопнул дверь в танцкласс. – Давай подберёмся со стороны и заглянем в окошко...

Со стороны пруда мы подошли во дворе к сто лет не мытому крайнему окну вровень с землёй и цветом в землю. Кто-то, видно, упорно не хотел, чтобы люди знали о страшном смысле этого места, и устроил в комнате свалку. Сквозь поросшее паутиной стекло мы только и смогли разглядеть какие-то верстаки и сваленные в кучу электромоторы. Всё походило на брошенный склад с вещами, преданными забвению... Устав тереться у грязного стекла, мы вздохнули и вышли на спускающуюся к пруду почти деревенскую улицу... На противоположной стороне её стоял мужчина с кинокамерой – что-то сразу выдавало в нём приезжего – и очень тщательно снимал угол дома и ворота, из которых мы вышли. На нас он не обратил внимания...

Многое из увиденного тогда стёрлось из памяти. Сейчас, когда я вспоминаю этот поход почти двадцатилетней давности, то жалею, что ничего не сфотографировал и не записал – тогда такую тему не пустили бы на страницы газет, а автору репортажа грозило бы отлучение от журналистики на долгие годы, если не навсегда... Теперь же этот дом уже не снимешь: по чьему-то указанию дом снесли во времена, когда секретарём Свердловского обкома партии был Б. Ельцин.

Ныне, когда я гляжу на фотографии этого сгнувшего мальчика в матросском костюмчике, я невольно вспоминаю тот танцевальный зальчик и счастливые детские голоса. Наверное, многие считали тогда, что лучше бы нам расти в неведении... Но может ли жить радость рядом с таким? Ведь сказал же у Достоевского Иван Карамазов, что не примет гармонии и счастья человечества, если за них заплачено хоть единой слезинкой замученного ребёнка – словно за много лет предвидел, что непременно для построения «светлого завтра» кого-нибудь замучат или убьют... Плакал ли ночами накануне расстрела в комнате маленький цесаревич, было ли ему страшно? И нашли ли счастье те, кто «во имя нового» сокрушил храмы и семьи, и этого мальчика, не дожившего до своих четырнадцати лет? И много ли счастья досталось нам после их злодеяний? И почему на всём пути истории нашей всё повторяются эти меты: зарезанный в Угличе маленький царевич Дмитрий, этот мальчик, те почти что мальчишки, что после свары у Белого дома оказались на Ваганьковском?..

Наверное, мы не очень счастливый народ, и ответов тут нет. И остаётся только помнить нам, что 90 лет назад родился мальчик... Который не по возрасту деликатен был и умён – и так чувствителен к чужому страданию...

Виктор САВЕЛЬЕВ.

Источник: газета «Советская Башкирия», 13 августа 1994 года.

ЦВЕТ «НЕЗАБВЕННЫЙ ЗАКАТ» Неразгаданная тайна легендарной преподавательницы

Бывают же такие знаковые случайности: в интернете обнаружил статью: «125 лет легенде факультета»* – с биографией Агнии Даниловой, легендарной преподавательницы Уральского госуниверситета им. А. М. Горького. И портрет бабушки Аги – или бабы Аги (так мы звали Агнию Ивановну Данилову, будучи студентами). О, боже, мы слушали её лекции ещё в начале 70-х – а она, подумать только, родилась в 1888 году! С 1912 до декабря 1916 года училась в Москве на славяно-русском отделении Высших женских курсов. Учёбу прерывала, уйдя сестрой милосердия (1914—1916) на Первую мировую войну.

У нас на заочном отделении факультета журналистики УрГУ из уст в уста ходила легенда, что на той войне у Агнии Ивановны убили жениха, и она не вышла замуж. Впрочем, преданий было много. Я же расскажу лишь про одну загадку, о которой доподлинно знаю сам, а не из чьих-то уст.

Начну, пожалуй, с маленького отрывка из начатого когда-то по свежей памяти документального рассказа о бабе Аге... Этот рассказ я так и не дописал – не знаю, почему... Но спустя годы он оказался самой подробной «стенограммой» про лекции Агнии Ивановны Даниловой:

«Мальцы, курившие на лестнице перед лекцией, шмыгнули в аудиторию:

– Эй, первый курс, прекращай базар! Бабушка Ага топает...

– Тихо! Все садимся, – надывается староста курса. – Тс-с, бабушка!

По местам...

Дверь распахнулась, и бабушка Ага – Агния Ивановна Данилова, твёрдо ступая в неизменных войлочных ботиках, вошла в аудиторию. Гул сник, десятки глаз и скрытых улыбок любовно проводили на кафедру её не согнутую годами фигуру в долгополом чёрном сарафане, сохранившую былую осанку, высоко поднятую голову с пучком седеньких волос на затылке.

За кафедрой бабушка надела толстые очки, знакомой полуулыбкой на добром лице поприветствовала притихший курс. Но сегодня полуулыбка была почти страдальческой: это увидели все. Агния Ивановна постояла на кафедре с полузакрытыми глазами, положив руку на грудь с одним из тех чуть чопорных, старомодных то ли бантов, то ли галстуков, которые она меняла с великой регулярностью, – и всё не могла отдышаться.

– Лестница... крутая, – только и выдохнула она, видно, стыдясь минутной слабости, – ...торопилась я...

И, наконец, восстановив дыхание и разложив свои бумаги, сказала:

– Работать! – вполголоса для себя, а в аудиторию громко, хорошо поставленным голосом: – Кто мне скажет, сколько времени? Так, опоздала я на лекцию на семь минут... Я прошу меня простить...

И прервав рукой бесчисленные «Да ничего!», «Ерунда, наверстаем» и даже чьё-то залихватское «Прощаем!» с задних столов, продолжила таким тоном, словно это был её святой долг – дать детальный отчёт сидящим перед ней мальчикам и девочкам:

– На лестнице сейчас повстречала профессора М***. Знаете его? Очень, очень способный молодой человек, хоть не лингвист, недавно докторскую диссертацию защитил. Ну, посудите – не могла же я пройти мимо и не поздравить! Вот и задержалась. А он мне говорит: «Спасибо, Агния Ивановна, от Вас особенно приятно слышать поздравление». Ему, наверно, лестно, что я ученица ещё профессора Дмитрия Николаевича Ушакова и тех прежних профессоров, что учили нас на женских курсах! Только до революции профессора всегда в накрахмаленных воротниках ходили. А у М*** под пиджаком... эта... ну, как её – без рукавов? Ах, «бобочка»! Вот. А тут его другие позвали, такие же молодые. «Эй, Вася, – кричат, – иди сюда!» Он и побежал, а сам через ступеньки прыгает. И удивительно мне: профессор – и Вася?.. А когда я училась, ещё до революции, даже студенты друг друга называли «коллега», а если девушку – то «товарищ»...

Слово «коллега» баба Ага произнесла с артистическим прононсом, делая сильный нажим на «о».

Мы улыбались. Мы знали, как сильно нам повезло с бабой Агой. Подумать только, ученица того профессора Ушакова, у которого классический четырёхтомный «Толковый словарь русского языка» его имени, а тома тяжелей гантели...»

Этот отрывок из недописанного рассказа хорошо передаёт атмосферу лекций Агнии Ивановны Даниловой на журфаке – лекций, поражавших студентов-заочников, ребят из уральских, пермских, башкирских, сибирских городов и райцентров, наших девчонок.

– Агния Ивановна, – тянул руку кто-то, улучив момент. – А вы с Маяковским встречались?

– С Володей Маяковским? – задумчиво переспрашивала она, понимая, что эту информацию нам «слили» старшие курсы. – Да, мы в молодости ходили на вечера футуристов...

– Это где Маяковский выступал в знаменитой жёлтой кофте?

– Да не жёлтой его кофта была, а в чёрно-жёлтую полоску! – оторвавшись от бумаг, Агния Ивановна снимала очки. – Я ведь эту блузу Маяковского-футуриста своими глазами видела: жёлтые полоски были широкими, а чёрные – узкими... Мы, курсистки с женских курсов, пришли на вечер футуристов и ждали выхода на сцену Маяковского. Выступал Володя в конце отделения, в той самой кофте. Стихи читал великолепно! Но мы же филологи, – нам его поэзия слух режет! Все курсистки и молодые люди из интеллигентов тут стали освистывать Володю. А я свистеть не умела! Так я ногами топала!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.